Поднялся профессор Дамблдор. Он улыбнулся всем студентам, приветственно раскинув руки.

— Скажу вам только одно, — произнес он, и его звучный голос эхом прокатился по всему залу.
— Ешьте.

— Верно, верно! — С неподдельным чувством закричали мы, и в это время стоявшие перед нами блюда волшебным образом наполнились.

Мы словно одичалые напали на еду и стали ее жадно поглощать.

Дождь по-прежнему с силой барабанил в высокие темные окна. От очередного удара грома задребезжали стекла и на грозовом потолке полыхнула вспышка, озарившая золотые тарелки, исчезнувшие на мгновение с остатками первых блюд и немедленно вернувшиеся с пирогами.

Когда были уничтожены и пироги, а со вновь заблестевших тарелок пропали последние крошки, Альбус Дамблдор снова поднялся со своего места. Гудение разговоров, наполнявшее Большой зал, сразу же прекратилось, так что стало слышно лишь завывание ветра и стук дождя.

— Итак. — Заговорил, улыбаясь Дамблдор.

— Теперь, когда мы все наелись и напились, я должен еще раз попросить вашего внимания, чтобы сделать несколько объявлений. Мистер Филч, наш завхоз, просил меня поставить вас в известность, что список предметов, запрещенных в стенах замка, в этом году расширен и теперь включает в себя Визжащие игрушки йо-йо, Клыкастые фрисби и Безостановочно-расшибальные бумеранги. Полный список состоит из четырехсот тридцати семи пунктов, и с ним можно ознакомиться в кабинете мистера Филча, если, конечно, кто-то пожелает.

Едва заметно усмехнувшись, Дамблдор продолжил:

— Как и всегда, мне хотелось бы напомнить, что Запретный лес является для студентов запретной территорией, равно как и деревня Хогсмид — ее не разрешается посещать тем, кто младше третьего курса. Также для меня является неприятной обязанностью сообщить вам, что межфакультетского чемпионата по квиддичу в этом году не будет.

— Это связано с событиями, которые должны начаться в октябре и продолжиться весь учебный год — они потребуют от преподавателей всего их времени и энергии, но уверен, что вам это доставит истинное наслаждение. С большим удовольствием объявляю, что в этом году в Хогвартсе...

Но как раз в этот момент грянул оглушительный громовой раскат и двери Большого зала с грохотом распахнулись.

На пороге стоял человек, опирающийся на длинный посох и закутанный в черный дорожный плащ.

Все головы в зале повернулись к незнакомцу — неожиданно освещенный вспышкой молнии, он откинул капюшон, тряхнул гривой темных с проседью волос и пошел к преподавательскому

столу.

Глухое клацанье отдавалось по всему залу при каждом его шаге. Незнакомец приблизился к профессорскому подиуму и прохромал к Дамблдору. Еще одна молния озарила потолок.

Вспышка резко высветила черты лица пришельца.

Оно словно было вырезано из изъеденного ветрами дерева скульптором, имевшим довольно смутное представление о том, как должно выглядеть человеческое лицо, и вдобавок скверно владевшего резцом. Каждый дюйм кожи был испещрен рубцами, рот выглядел просто как кривой разрез, а изрядный кусок носа отсутствовал. Но самая жуть была в глазах. Один был маленьким, темным и блестящим.

Другой — большой, круглый как монета и ярко-голубой.

Этот голубой глаз непрестанно двигался, не моргая, вращаясь вверх, вниз, из стороны в сторону, совершенно независимо от первого, нормального глаза — а кроме того, он временами полностью разворачивался, заглядывая куда-то внутрь головы, так что снаружи были видны лишь белки.

Мужчина подошел к Дамблдору и протянул ему руку, исполосованную шрамами так же густо, как и лицо. Директор пожал ее, негромко сказав при этом несколько слов.

Похоже, он что-то спросил у вошедшего — тот неулыбчиво покачал головой и тоже вполголоса что-то ответил. Дамблдор кивнул и жестом пригласил его на свободное место по правую руку от себя.

Грюм сел, отбросив с лица длинные сивые патлы, и пододвинул к себе тарелку с сосисками; поднял к тому что осталось от его носа и понюхал, после чего достал из кармана маленький нож, подцепил сосиску за конец и начал есть. Его нормальный глаз был устремлен на еду, но голубой без устали крутился в глазнице, озирая зал и студентов.

— Позвольте представить вам нашего нового преподавателя защиты от темных искусств. — Жизнерадостно объявил Дамблдор в наступившей тишине. — Профессор Грюм.

По обычаю, новых преподавателей приветствовали аплодисментами, но в этот раз никто из профессоров или студентов не захопал, если не считать самого Дамблдора и Хагрида. Их удары ладонью о ладонь уныло прозвучали при всеобщем молчании и скоро затихли. Всех остальных, видимо, настолько поразило необычайное появление Грюма, что они могли только смотреть на него.

Грозный Глаз остался совершенно равнодушен к такому более чем прохладному приему. Не обращая внимания на стоящую перед ним кружку тыквенного сока, он снова полез в плащ, вынул плоскую походную флягу и сделал из нее порядочный глоток.

Дамблдор вновь прокашлялся.

— Как я и говорил. — Он улыбнулся множеству студенческих лиц, все взоры которых были обращены к Грозному Глазу Грюму, — в ближайшие месяцы мы будем иметь честь принимать у себя чрезвычайно волнующее мероприятие, какого еще не было в этом веке. С громадным удовольствием сообщая вам, что в этом году в Хогвартсе состоится Турнир Трех Волшебников.

— Вы ШУТИТЕ! — Оторопело произнес Фред Уизли во весь голос, неожиданно разрядив то напряжение, которое охватило зал с самого появления Грозного Глаза.

Все засмеялись, и даже Дамблдор понимающе хмыкнул.

— Я вовсе не шучу, мистер Уизли, — сказал он. — Хотя, если уж вы заговорили на эту тему я этим летом слышал анекдот... словом, заходят однажды в бар тролль, ведьма и лепрекон...

Профессор Макгонагалл многозначительно кашлянула.

— Э-э-э... но, возможно, сейчас не время... н-да... — Произнес Дамблдор.

— Так о чем бишь я? Ах да, Турнир Трех Волшебников. Я также, думаю, некоторые из вас не имеют представления о том, что это за Турнир, а те, кто знают, надеюсь, простят меня за разъяснения, и пока могут занять свое внимание чем-нибудь другим. Итак, Турнир Трех Волшебников был основан примерно семьсот лет назад как товарищеское соревнование между тремя крупнейшими европейскими школами волшебства — Хогвартсом, Шармбатонем и Дурмстрангом. Каждую школу представлял выбранный чемпион, и эти три чемпиона состязались в трех магических заданиях. Школы постановили проводить Турнир каждые пять лет, и было общепризнанно, что это наилучший путь налаживания дружеских связей между колдовской молодежью разных национальностей — и так шло до тех пор, пока число жертв на этих соревнованиях не возросло настолько, что Турнир пришлось прекратить.

— За минувшие века было предпринято несколько попыток возродить Турнир. — Продолжал Дамблдор.

— Но ни одну из них нельзя назвать удачной. Тем не менее наши Департаменты магического сотрудничества и магических игр и спорта пришли к выводу, что пришло время попробовать еще раз. Все лето мы упорно трудились над тем, чтобы в этот раз обеспечить условия, при которых ни один из чемпионов не подвергся бы смертельной опасности. Главы Шармбатона и Дурмстранга придут со своими претендентами в октябре, и выборы чемпионов будут проходить на День Всех Святых. Беспристрастный судья решит, кто из студентов наиболее достоин соревноваться за Кубок Трех Волшебников, честь своей школы и персональный приз в тысячу галлеонов.

— Я хочу в этом участвовать! — Прошипел на весь стол Фред Уизли — его лицо разгорелось энтузиазмом от перспективы такой славы и богатства. Он оказался далеко не единственным, кто, судя по всему, представил себя в роли хогвартского чемпиона. За столом каждого факультета я видел людей, с не меньшим восхищением уставившихся на Дамблдора или что-то с жаром шепчущих соседям. Но тут директор заговорил вновь, и зал опять умолк.